

Глава 28

Нужно самое прочное

Чэнь Шэ молча смотрел на У Линчаня, лежавшего у него на коленях.

...Совершенно не похожий на него человек.

Снежная буря за стенами Террасы Бихань утихла, и небо было усыпано звёздами.

Сколько он себя помнил, Чэнь Шэ никогда не испытывал такого покоя.

Стройные ноги У Линчаня упирались в холодный нефритовый помост. Несмотря на неудобную позу, он спал крепко, тёрся головой о пояс Чэнь Шэ и невнятно бормотал что-то на языке Союза Бессмертных.

Кажется, призывал кого-то умереть.

У Линчань погрузился в сладкий сон, хихикая и посмеиваясь.

Чэнь Шэ не знал, что ему снится, но духовная сила Уз ослабления сердца, словно журчащий ручей, несла к нему чистую, незамутнённую радость и веселье.

— Это были эмоции, принадлежавшие только У Линчаню.

С тех пор как полмесяца назад Чэнь Шэ насильно активировал Узы, чтобы подавить его золотое ядро, он мог смутно ощущать его душевное состояние.

Теперь, находясь так близко, он ещё отчётливее чувствовал это спокойствие и радость, словно его озаряло утреннее солнце.

Чэнь Шэ не любил это чувство потери контроля.

Он словно сто лет брёл сквозь снежную бурю и, внезапно увидев тёплое солнце, не испытал никакой радости.

Солнце не могло растопить его, оно лишь обжигало его не терпящую света душу. Тёплый ветерок не мог заставить гнилое, бездушное дерево вновь зацвести.

Чэнь Шэ с безразличным лицом, презирая эту нелогичную, но навязчивую сладость и

умиротворение, скинул У Линчаня с колен.

У Линчань, ничего не подозревая, покатился по нефритовому помосту, его тёмные волосы растрепались и рассыпались по полу.

Он пробормотал что-то на языке Союза Бессмертных и, почуяв знакомый запах, снова пополз к нему.

Чэнь Шэ молчал.

— Сюнь Е.

Сюнь Е, который притворялся мёртвым снаружи, с недовольным видом вошёл во внутренние покои.

— Владыка Чэнь, что прикажете?

— Отнеси его обратно во дворец Даньцзю, — Чэнь Шэ снова скинул У Линчаня, который опять примостился у него на коленях.

Раньше, когда Владыка Чэнь звал его посреди ночи, Сюнь Е отправлялся убивать какого-нибудь влиятельного старейшину или выполнять срочное поручение — это было опасно, но почётно.

А теперь что? Нянька.

Сюнь Е смирился.

— Слушаюсь, — ответил он и, подойдя к помосту, попытался поднять спящего У Линчаня.

Но не успел он к нему прикоснуться, как У Линчань, остро почувствовав чужое присутствие, схватился за подол одеяния Чэнь Шэ и жалобно пробормотал во сне:

— А-сюн.

Лицо Чэнь Шэ было словно высечено из камня, ни один мускул не дрогнул.

«Даже "А-сюн" не помогает», — подумал Сюнь Е. — «Видимо, Владыка Чэнь действительно недоволен, что юный господин мешает ему медитировать».

У Линчань, которого толкали туда-сюда, наконец, приоткрыл глаза.

Он посмотрел на брата, который был совсем близко, склонил голову и, не успев ничего сказать, почувствовал, как чьи-то руки осторожно пытаются его поднять.

У Линчань инстинктивно схватил Чэнь Шэ за руку.

Голос из глубин памяти, подхваченный порывом ветра, пронёсся в его сознании.

«...уведи его...»

«Что бы ни случилось, никогда не возвращайся...»

В хаотичном видении он видел лишь свою окровавленную руку, тянущуюся к далёкой тьме, а затем его уводили всё дальше и дальше.

У Линчань не мог отличить сон от реальности, но его сердце наполнилось беспричинной тоской.

«...ты больше не хочешь меня?»

Снежная буря на Террасе Бихань утихла, но вместо неё пошёл мелкий, влажный дождь.

Чэнь Шэ внезапно протянул руку.

Сюнь Е уже держал сонного У Линчаня на руках и собирался отнести его обратно, как вдруг почувствовал, что руки его опустели.

У Линчань, словно снежинка, сорвавшаяся с неба, снова оказался в объятиях Чэнь Шэ.

— Владыка Чэнь...

За одно мгновение Владыка Чэнь по какой-то причине передумал. Он небрежно махнул рукой, приказывая ему удалиться.

Сюнь Е, избавленный от необходимости нянчиться, тут же поклонился и вышел. Но, закрывая за собой дверь, он, сам не зная почему, бросил взгляд назад.

Белоснежная вуаль с чернильными иероглифами колыбалась без ветра, и за ней смутно виднелся беспокойно спящий У Линчань, который что-то бормотал и прижимался к Владыке Чэню.

На этот раз Чэнь Шэ не оттолкнул его, а, наоборот, приобнял.

Разница в их росте была огромной. Хрупкий У Линчань сидел у него на коленях, опираясь на его руку. Широкий рукав скрывал его почти полностью, виднелись лишь стройные ноги.

Слишком далеко, чтобы разобрать слова, Сюнь Е слышал лишь невнятное бормотание У Линчаня, который, кажется, тёрся головой о плечо брата.

— А-сюн...

Чэнь Шэ, зная, что тот его не слышит во сне, всё же наклонился и тихо ответил:

— Мгм, спи.

Сюнь Е промолчал.

«Похоже, "А-сюн" действует безотказно».

У Линчань спал очень долго.

Во сне он то избивал Мэн Пина голыми руками, то с довольным видом принимал поклонение от избранных небес в Пэнлае. Но внезапно радость сменилась тревогой, и он оказался в заснеженной пустыне, бредя по глубокому снегу.

Вокруг не было ни души, лишь завывал ледяной ветер и валил густой снег.

Обычно человек, оказавшись в незнакомом месте, инстинктивно настораживается, ожидая опасности из тьмы.

У Линчань никогда не боялся неизведанного. Напротив, отправляясь в опасные места, он испытывал не страх, а азарт.

Он любил вызовы.

Но на этот раз всё было иначе.

Глядя на бескрайнюю пустыню, У Линчань внезапно почувствовал тоску и страх.

В полузабытьи тёплые руки нежно обняли его, пальцы стёрли слёзы с его щёк, и тихий голос принялся его утешать.

У Линчань ошеломлённо смотрел в темноту сна и, сам не зная почему, перестал бояться.

На душе стало спокойно. У Линчань прикрыл глаза и инстинктивно прижался к тёплой ладони.

М-м.

Кажется, он коснулся чего-то ледяного.

У Линчань сонно открыл глаза.

Уже рассвело.

Он спал так крепко, что всё тело затекло. Он перевернулся на холодном нефритовом помосте.

Вокруг висела белоснежная вуаль. Дворец Даньцзю словно за одну ночь погрузился в зиму. За окном завывал ледяной ветер, и шёл густой снег... хм?

Дзэн.

Кто-то играл на цитре, и звуки музыки доносились с ветром.

У Линчань внезапно проснулся.

Знакомая демоническая мелодия резанула слух. Это была Терраса Бихань.

У Линчань сел. С его плеч соскользнуло что-то тяжёлое. Он посмотрел вниз и увидел накидку Чэнь Шэ с меховой оторочкой, которую тот носил вчера. Она была такой большой, что походила на одеяло, и пахла братом.

— А-сюн?

Звук цитры оборвался.

— Проснулся? — спросил Чэнь Шэ.

У Линчань, одетый лишь в ночную рубашку, закутался в накидку, полы которой волочились по полу, и босиком сошёл с помоста.

У окна сидел Чэнь Шэ и, опустив голову, перебирал струны цитры.

Дзэн-дзэн-дзэн, от этих звуков хотелось умереть.

У Линчань, ничего не понимая в музыке, подбежал к нему.

— А-сюн, как я здесь оказался? — сонно спросил он.

— Кунькунь, ты считаешь, что твой брат всемогущ и всё знает? — Чэнь Шэ, элегантный и утончённый, продолжал терзать цитру и с лёгкой улыбкой посмотрел на него.

— Конечно! Что бы ни случилось, А-сюн всегда самый лучший и самый сильный, — не задумываясь, кивнул У Линчань, опираясь на стол напротив него.

— И в игре на цитре тоже? — спросил Чэнь Шэ.

— О, это исключение.

Чэнь Шэ промолчал.

Он не обиделся и с улыбкой убрал свои демонические руки от инструмента.

— Это, должно быть, последствие восстановления золотого ядра. Во время медитации ты будешь искать духовную силу, чтобы его подавить. Когда ядро стабилизируется, всё пройдёт.

— Значит, я буду беспокоить А-сюна ещё два месяца? Ты не будешь сердиться? — не до конца поняв, спросил У Линчань.

— А если скажу, что буду? — в свою очередь спросил Чэнь Шэ.

У Линчань не расстроился. Он задумался, а потом схватил Чэнь Шэ за предплечья и, раскачивая их, с улыбкой, в которой, казалось, отражались все звёзды вчерашней ночи, сказал:

— Тогда я буду умолять А-сюна, хорошо?

Чэнь Шэ зацепил пальцем струну и, не рассчитав силы, порвал её.

У Линчань выжидающе смотрел на него.

— Где ты этому научился? — наконец, с улыбкой, в которой проскальзывала нотка безысходности, спросил Чэнь Шэ.

У Линчань, увидев, что брат улыбается, понял, что тот никогда на него не рассердится.

— Хе-хе, У Кунькунь — самородок! А-сюн тут же сдался, как благородно! — воскликнул он, вскинув руки.

От резкого движения накидка соскользнула с его плеч, обнажив хрупкую, ещё не сформировавшуюся фигуру.

Улыбка медленно сошла с лица Чэнь Шэ.

«Он ещё такой маленький, а уже столько пережил, столько боролся, чтобы стать таким сильным. Его беззаботность — это, возможно, первый дар небес».

У Линчань вздрогнул от холода и, накинув накидку, почувствовал, как на его запястье появился чернильный след, сложившийся в иероглифы.

Это было послание от Лю Цзинхуэя.

Чэнь Шэ бросил на него беглый взгляд, приподнял бровь и неторопливо убрал цитру в футляр.

В следующую секунду У Линчань в ярости ударил по столу.

— Этот ублюдок Мэн Пин! Он сформировал зарождающуюся душу! Какая наглость! Какая наглость!

Небожитель У забыл, что его сила восстановилась, и ударил, не сдерживаясь.

К счастью, стол был прочным и не разлетелся в щепки.

— Это всего лишь зарождающаяся душа, созданная с помощью пилюль. У тебя есть Сюаньсян Тайшоу, даже на пике стадии золотого ядра ты ему не уступишь, — Чэнь Шэ налил чаю и спокойно заметил.

У Линчань был в ярости и принялся объяснять ему все тонкости.

— А-сюн не понимает. Золотое ядро и зарождающаяся душа, хоть и отличаются всего на один уровень, но значат совершенно разное. В четырнадцать лет сформировать ядро — меня бы назвали юным гением. Но в шестнадцать сформировать душу — это значит, что Союз Бессмертных должен будет создать для меня отдельный список, чтобы восхвалять и поклоняться мне. А-сюн понимает, что это значит?

Чэнь Шэ промолчал.

— Это значит, что Союз Бессмертных — сборище показушников? — попытался он понять.

— Ну, в этом А-сюн тоже прав. Мне до семнадцати осталось шесть месяцев. Если вычесть время на стабилизацию золотого ядра, останется всего четыре. Всё решится сейчас, я не могу больше тратить жизнь впустую.

Чэнь Шэ потерял дар речи.

«Сколько же в нём энергии».

— А-сюн, я пойду к Цзюаньчжи, может, он знает способ побыстрее. Одежду вечером принесу,
— У Линчань вскочил и бросился к выходу.

— Мгм.

У Линчань уже почти выбежал, но, вспомнив что-то, выглянул из-за колонны, подмигнул Чэнь Шэ и сказал самое приятное, что пришло ему в голову:

— А-сюн, даже если ты плохо играешь на цитре, в сердце У Кунькуня ты всё равно самый, самый, самый лучший.

Чэнь Шэ замер.

У Линчань, выпалив слова, которые он с трудом придумал, не дожидаясь ответа, с весёлым напевом умчался, оставив на Террасе Бихань лишь лёгкий ветерок.

Чэнь Шэ своим духовным чутьём «проводил» У Линчаня, который вприпрыжку покидал Террасу.

«Самый лучший...»

Чэнь Шэ, кажется, улыбнулся, но в его глазах не было и тени веселья.

У Линчань, вернувшись из Союза Бессмертных, видел только то, что Чэнь Шэ ему показывал, и не знал, почему Куньфу называют Пустошью Демонов.

«Хороший?»

Если бы У Линчань узнал о тёмных методах демонов-заклинателей, он, вероятно, в ужасе бежал бы отсюда так, что пятки бы сверкали.

...И, возможно, на Террасе Бихань больше никогда не было бы звёздного неба, а из Уз ослабления сердца исходил бы не сладкий восторг, а леденящий холод.

И страх перед братом, который не гнушается никакими средствами.

Ресницы Чэнь Шэ дрогнули. Он долго сидел в одиночестве.

— Сюнь Е.

— Здесь, — Сюнь Е появился из тени.

Чэнь Шэ развеял свою духовную силу, и стол, по которому У Линчань ударил, внезапно рассыпался в прах.

— У того старейшины Мэна из пика Сяолёу есть зарождающаяся душа? — небрежно спросил он.

— Так точно. Он сейчас в темнице Зала Внемлющего Шёпота. После допроса с пристрастием он немного повредился умом, но зарождающаяся душа цела, — кивнул Сюнь Е.

— Когда Кунькунь вернётся, приведи старейшину Мэна на Террасу Бихань, — равнодушно сказал Чэнь Шэ.

Сюнь Е замер.

Того старейшину Мэна бросили в темницу, чтобы отомстить за юного господина. Почему же теперь Владыка Чэнь заинтересовался его зарождающейся душой?

Сюнь Е с удивлением поднял голову.

«Неужели Владыка Чэнь собирается отдать её юному господину...»

— ...Похищение зарождающейся души?

— Что это за метод? Сначала забирали духовную силу, теперь зарождающуюся душу. Для этого

тоже нужно ложиться в постель? В Куньфу так развратно, — У Линчань грыз медовый леденец и с любопытством смотрел по сторонам.

Окружающие замерли.

— Тшшшш, — Вэнь Цзюаньчжи поспешил его остановить. — Говори потише.

Они втроём шли по улице, где в Куньфу продавали артефакты. Вокруг было шумно и многолюдно.

Чи Фухань в это время торговался у одного из прилавков.

— Тьфу! За какую-то паршивую подвеску просить двадцать кристаллов, да ты не грабитель ли?! Один кристалл, не хочешь — не надо, пойду к другому.

Торговец промолчал.

— Так что это за метод? — спросил У Линчань, облизывая леденец.

— Этот метод, для Союза Бессмертных, наверное, покажется, г-грязным, — тихо сказал Вэнь Цзюаньчжи. — Нужно найти, человека с зарождающейся душой, и насильно, забрать её, для себя. Метод жестокий, даже в Куньфу, мало кто, осмеливается его использовать.

— О-о-о-о!

— Эй, эй, не уходи, ладно, продам в убыток! — крикнул торговец, и Чи Фухань с довольным видом вернулся с подвеской.

Чи Цюйцюя небрежно повесил красивую подвеску на У Линчаня и, приподняв бровь, сказал:

— Хватит болтать, пошли скорее покупать мне артефакт.

У Линчань кивнул.

Неизвестно, было ли это из-за того, что он находился далеко от Чэнь Шэ, но всего через час у него начался жар, и закружилась голова. Похоже, золотое ядро и демоническое тело снова начали враждовать.

«Нужно купить артефакт и вернуться на Террасу Бихань»*.

Они втроём направились в самую известную оружейную лавку главного города Куньфу.

— Добро пожаловать, трое юных господ! В нашу Мастерскую Гунцзюэ только что завезли новую партию артефактов, ай, да какие красивые, изящные, все из люли, просто загляденье, и железо режут, как масло! — радушно встретил их хозяин.

Они втроём молчали.

Они с каменными лицами смотрели на него.

Хозяин смутился и, прекратив расхваливать товар, с улыбкой спросил:

— Для чего вам нужен артефакт?

— Нужно самое, самое, самое, самое прочное, — не сговариваясь, ответили они.

Хозяин замер.

<http://bllate.org/book/16997/1586790>